историй, которые рассказывает Ладон, так как мы встречаем здесь тот же самый город Винету и те же славянские языческие храмы. Как явствует из заглавия, цель повести — рассказать о том, как была придумана искусственная родинка, «мушка», вернее, одна из ее разновидностей, изготовлявшаяся из тафты.

Самые очевидные примеры бурлеска встречаются в авторских пояснениях, таких, например, как наименование слуги, несущего записку, «Меркурием».[12] Чулков очень любит употреблять имя бога Меркурия для таких целей. Временами к неуместному бурлескному противопоставлению он присоединяет оксюморон, например когда он рекомендует читателю купца-рогоносца как «седого и беззубого Меркурия».[13] В этой же самой повести о тафтяной мушке, которую рассказывает монах, встречаем и более развернутый образец бурлеска. Во время своих похождений молодой студент Неох случайно натыкается на покинутую крестьянскую избу. Он входит в нее и засыпает на полатях, расположенных под самым потолком. Его будят голоса оживленно разговаривающих мужчины и женщины. Когда он пытается передвинуться, чтобы увидеть, кто они такие, то падает, увлекая за собой доски. Рассказчик при этом добавляет: «Разрушение Троянской стены столько стуку не наделало, сколько причинили грому сии полати. Несчастливый Вулкан, которого бросил Юпитер с неба на остров, переломил себе ногу; а наш Вулкан, упавши с полатей на пол, остался цел, только повредил несколько затылок, от чего в ушах у него звенело, а из глаз скакали искры».[14] Это насмешливое описание весьма негероического и даже фарсового происшествия в терминах высокой античной мифологии является хорошей иллюстрацией ирои-комического стиля.

В связи с использованием Чулковым «высокого» бурлеска особенно любопытно то, что это создавало благоприятные возможности для введения в литературу «низких» героев и «низких» происшествий, которые считались таковыми, даже если это делалось в комической форме. Для развития художественной прозы, несомненно, было важно, что делалась попытка порвать с традицией авантюрного романа, с его невероятными приключениями и схематичной, поверхностной обрисовкой героев, разделенных на положительных и отрицательных.

---

[12] Пересмешник, ч. III. М., 1789, с. 168. Посыльный назван — «наследник покойного Меркурия, а именно скороход».

[13] Пересмешник, ч. IV, с. 238.

[14] Там же, с. 192. Специфическое использование образа «стены Трои» в «высоком» бурлеске предложил еще Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве». Кстати, можно отметить, что в XVIII в. большинство русских читателей имело представление о Троянской войне не по Гомеру, а по Гвидо де Колумно, «История о разорении Трои» которого, относящаяся к XIII в., неоднократно издавалась по-русски в первой половине XVIII в. Это произведение упоминается Чулковым в первых главах «Пересмешника». Сама «История» Гвидо де Колумно является прозаическим пересказом «Roman de Troie» Бенуа де Сен-Мора.